
**«Счастлив тот, кто не попал сюда»:
настроения и поведение военнослужащих Красной армии
в фильтрационных лагерях НКВД, 1942—1945 гг.**

Артём Латышев

**«Happy is the one who isn't here»: the sentiments and behavior
of the Red Army servicemen in the NKVD's filtration camps**

Artyom Latyshev

*(National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870006379-7

История ГУЛАГа достаточно хорошо изучена: исследователи располагают данными о составе, условиях содержания, медицинском обслуживании, трудовом использовании заключённых и о других институциональных аспектах¹. Меньше разработаны антропологические сюжеты: психология узников, их поведение, формирование в лагере личной и групповой идентичностей. Любые места лишения свободы сложно изучать в силу закрытости (для посторонних) населяющих их сообществ, поэтому наиболее достоверные описания принадлежат перу заключённых. Так, лучший анализ нацистских концлагерей оставили прошедшие через них психологи и социологи², быт ГУЛАГа запечатлели репрессированные писатели, а нравы советской колонии позднего социализма раскрыл заключённый-этнограф³. Другой проблемой является нехватка источников. Если деление узников на группы и противостояние их друг другу и руководству лагерей прослеживаются по документации НКВД⁴, то исследователи психологии работают преимущественно со сложными для верификации личными свидетельствами, которые открыты для интерпретаций⁵.

Анализ поведения человека в лагере осложняется также многообразием используемых при этом теоретических подходов. Во второй половине XX в. в гуманитарной мысли сложилась парадигма, сохраняющая влияние и сегодня.

© 2019 г. А.В. Латышев

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

¹ См.: *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа. 1918—1958. М., 2015.

² *Лейбович О.Л.* Лагерный социум как объект исследования: источники и методологические подходы // Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память / Отв. ред. Л.И. Бородкин, С.А. Красильников, О.В. Хлевнюк. М., 2013. С. 342—343.

³ *Клейн Л.С.* Перевернутый мир (Археолог и культура). Донецк, 2010.

⁴ *Козлов В.А.* Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 95—109; № 6. С. 122—134.

⁵ *Кимерлинг А.С.* «Каждый старался выжить, откровенно говоря...»: лагерная культура в воспоминаниях бывших политзаключённых // Принудительный труд в СССР... С. 351—361; *Шербатова И.Л.* Память ГУЛАГа. Опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников // Устная история (Oral History): теория и практика. Барнаул, 2007. С. 132—153; *Этлбаум Э.* ГУЛАГ. От создания в 1918 г. до середины 80-х гг. М., 2015.

Тюремный эксперимент, проведённый в 1971 г. в Стэнфордском университете американским психологом Ф. Зимбардо и тремя его коллегами, показал, как легко обычные люди принимают роли заключённых в силу ситуационных и системных факторов (влияние институтов, систем власти, ролевых ожиданий). Так, «заключённые» довольно быстро признали вину за то, чего никогда не делали, перестав оказывать охранникам какое-либо сопротивление⁶. При этом психологов особенно заинтересовала потребность части знавших о своей невинности «узников» найти тем не менее логическое оправдание утраты ими свободы. Данный феномен, обнаруживаемый в разных местах заключения, рассматривался в рамках различных подходов (выученной беспомощности, когнитивного диссонанса, стокгольмского синдрома и др.). Но их применение не дало учёным исчерпывающего объяснения этого явления⁷.

Большое влияние на исследование мест лишения свободы оказали концепции американского социолога И. Гофмана⁸ и французского философа М. Фуко⁹. Разными путями они пришли к схожим идеям о том, что «тотальные институты» и «карцерные учреждения», вроде сумасшедших домов и тюрем, не собирают «сумасшедших» и «преступников», а сами же их производят. Полученный в них статус маркирует узников для общества как опасных маргиналов, а одновременно навязываемая идентичность принимается самим индивидом и остаётся с ним после освобождения.

Между тем другие исследования ставят под сомнение если не правильность этих подходов, то, по крайней мере, их универсальность. Критики Зимбардо, пользуясь положениями теории социальных идентичностей, заявляют, что навязывание извне роли не равно её автоматическому принятию индивидом¹⁰. В 2001 г. социологи с помощью английской радиовещательной организации провели новый эксперимент по симуляции тюремных условий («тюремный эксперимент Би-би-си»). В ходе него «заключённые» не только не были подавлены и разобщены тюремной обстановкой, но смогли успешно сплотиться и восстать против охранников¹¹. При исследовании современных тюрем антропологи обнаруживают у узников вынужденную потребность в зависимости от ситуации выстраивать для успешной коммуникации не одну, а сразу несколько идентичностей¹².

Таким образом, далеки от решения вопросы о степени ограниченности лиц, попавших в места лишения свободы, навязываемой им ролью, о способах выстраивания ими личной и групповой идентичностей. Учитывая это, в данной статье предлагается обратить внимание на относительно слабо изученную категорию узников — военнослужащих Красной армии, бывших в плену

⁶ Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., 2018.

⁷ Адлер Н. Сохраняя верность партии. Коммунисты возвращаются из ГУЛАГа. М., 2013. С. 39—50.

⁸ См.: Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. N.Y., 1961.

⁹ См.: Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 2016.

¹⁰ Haslam S.A., Reicher S.D. When Prisoners Take Over the Prison: A Social Psychology of Resistance // Personality and Social Psychology Review. 2012. Vol. 16(2). P. 152—179.

¹¹ Idem. Rethinking the psychology of tyranny. The BBC prison study // British Journal of Social Psychology. 2006. № 45. P. 1—40.

¹² Ле Кэн Л. Этнографическое исследование в тюрьме. От «роли» заключённого к поискам идентичности осуждённого // Социальная антропология во Франции. XXI век / Под ред. Е.И. Филипповой, Б. Петрик. М., 2009. С. 214—236.

и/или окружении и попавших в специальные лагеря НКВД. Эти объекты более известны как проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), хотя такое обозначение они получили лишь в начале 1945 г.

Первые такие лагеря были открыты в январе 1942 г., и до октября 1944 г. в них поступили, по меньшей мере (не считая других категорий), 350 тыс. красноармейцев¹³. Они проходили так называемую проверку или фильтрацию, проводившуюся особыми отделам НКВД, а затем сменившими их отделениями СМЕРШ.

Вопрос о настроениях фильтруемых контингентов ранее в историографии не ставился. С позиции социальной истории ПФЛ в целом не изучались¹⁴, к их работе историки традиционно обращаются в контексте темы репатриации, изучая лагеря в конце войны и в послевоенные годы¹⁵. Статьи о фильтрационных лагерях военного периода, как правило, сосредоточены на анализе материалов, касающихся конкретных ПФЛ или их групп, расположенных в одном регионе¹⁶.

Благодаря исследованиям известны подробности учёта узников, их режима, снабжения и трудового использования, ставшего приоритетным в работе лагерей с 1943 г. Важно и установление того факта, что, хотя попавшие в ПФЛ обоснованно считаются жертвами политических репрессий¹⁷, большинство военных не подвергались арестам. После успешного прохождения проверки их направляли в военкоматы либо зачисляли в кадры промышленности.

Цель статьи — показать, как во время войны воспринимали своё положение бывшие пленные и окруженцы, ранее в основном лояльные режиму, внезапно для себя оказавшиеся в лагерях НКВД. Их помещали в схожие с исправительно-трудовыми лагерями места лишения свободы (с бараками, вышками и колючей проволокой). С начала войны пропаганда твердила о недопустимости плена для советских воинов¹⁸, а проверявшие их контрразведчики нередко задавали каждому из них вопрос «почему не застрелился»? Бывшие пленные и окруженцы, изолированные от общества, уже не были частью армии, но, с другой стороны, ещё не стали и репрессированными заключёнными. Им не предъявлялось формальных обвинений, внутри лагеря они делились на роты

¹³ ГА РФ, ф. Р-9408, оп. 1, д. 53, л. 20—25, 28—29.

¹⁴ См.: *Рябова А.В.* Изучение проблемы «фильтрации» советских граждан в 1940—1950-е годы в отечественной историографии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. Т. 7. 2008. Вып. 1. С. 192—198.

¹⁵ *Говоров И.В.* Фильтрация советских репатриантов в 40-е гг. XX в. Цели, методы, итоги // Cahier du Monde Russe. Vol. 49. 2008. № 2—3. P. 365—382; *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещённых лиц в СССР. 1944—1952 гг. М., 2016.

¹⁶ *Гаевская Ж.Ю.* Роль спецконтингента в восстановлении предприятий военно-промышленного комплекса Сталинграда в 1943—1945 гг. // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 46—63; *Кузьминых А.Л., Старостин С.И.* Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника // Российская история. 2010. № 3. С. 48—52; *Рябова А.В.* «Фильтрация» советских граждан в 1940—1950-е годы // Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг. Изд. 2, расшир. и доп. Новосибирск, 2010. С. 274—332; *Шевченко В.В.* Режим содержания бывших военнослужащих в спецлагерях в 1942—1946 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2. С. 38—43.

¹⁷ *Наумов В.П.* Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 91—112.

¹⁸ О теме военнопленных в военной пропаганде см.: *Berkhoff K.* Motherland in danger: Soviet propaganda during World War II. Cambridge (Mass.), 2012. P. 123—126, 236.

и взводы, могли носить форму со знаками различия и награды, сохранялась армейская субординация. Хотя во внутренней документации их быстро стали называть «спецконтингентом», официально к ним обращались менее дискриминационно — «бывшие военнослужащие». Не существовало общепринятого представления о правильном поведении людей в окружении, плену и на оккупированной территории. Невозможно было сколько-нибудь чётко отделить «попадание» в плен в силу «объективных обстоятельств» от уголовно наказуемой «добровольной сдачи»¹⁹. Теоретически каждый из «бывших военнослужащих» мог найти основания либо для чувства вины, либо для отстаивания статуса честного бойца и патриота.

Анализ настроений этих людей осуществлён на основе ведомственной документации НКВД. Часть информации отложилась в фондах в разное время руководивших ПФЛ подразделений²⁰, но особый интерес представляют материалы лагерных политотделов. Пространность и высокая (для данного жанра документа) информативность их отчётов стали результатом отсутствия принятого шаблона и выверенных речевых формул. Политработники не могли заранее предположить, ни сколько «шпионов» обнаружат в ходе проверки контрразведчики, ни как изменится политика в отношении бывших пленных. Не зная, к каким схемам сводить явления лагерной жизни, политотделы часто сообщали много подробностей.

О тенденциях 1942 г. позволяют говорить отчёты из Грязовецкого № 150 и Старобельского № 245 ПФЛ²¹, о 1943—1945 гг. — документы лагерей на территории Московской обл., особенно Подлипкинских № 0303²². Также в статью задействованы взятые в 2000-х гг. у бывших пленных интервью²³, где содержатся порой уникальные сведения. Статья хронологически ограничена началом 1942 г. (период открытия первых ПФЛ) — маем 1945 г. Во внимание берутся фильтрационные лагеря, располагавшиеся на территории СССР.

Для подробного изучения психологии попавших в ПФЛ военнослужащих необходимо установить, как они на разных этапах войны относились к факту своего попадания в лагерь; выявить способы их самоидентификации и тактики поведения, обратив внимание на акты сопротивления (в его максимально широком смысле), а также проанализировать отношения узников друг с другом, деление их на группы, оценив прочность групповой идентичности и степень солидарности.

Легитимность системы: от признания к критике

В ПФЛ попадали жители государства, отличительными чертами которого и в мирное время были шпиономания и постоянный поиск внутренних врагов. Неудивительно, что часть «бывших военнослужащих» считала фильтрацию (выявление среди них дезертиров, коллаборантов и шпионов) необходимой. Общие настроения передал один из тех, кто в начале 1942 г. попал в Абинский ПФЛ № 240, обличив не ненужность, но лишь некомфортность и нерацио-

¹⁹ О сложностях дефиниций см.: *Edele M. Stalin's Defectors. How Red Army Soldiers became Hitler's Collaborators, 1941—1945.* Oxford, 2017.

²⁰ ГА РФ, ф. Р-9408; РГВА, ф. 1п.

²¹ РГВА, ф. 3п, оп. 4, д. 27, 36.

²² ЦГА МО РФ, ф. 4611, оп. 6, 7; ф. 4616.

²³ «Я помню». Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны (URL: <http://iremember.ru>).

нальность проверки: «Очень много было неправильных толкований по поводу того, что незачем было возить сюда всех людей, а сделать такую проверку в местах ближе к тем, откуда вышли (из окружения. — А.Л.) данные люди, потому что такая проверка, какая была у нас, ничего не даёт и её с успехом можно было организовать на местах, даже лучше, каждый случай мог быть всегда быстро проверен»²⁴.

Представления об обоснованности фильтрации проявлялись и в практике несанкционированных отлучек с последующим возвращением. Как докладывал об учащении побегов в июле 1943 г. начальник Армавирского ПФЛ № 261, «спецконтингент работает почти без охраны, а поэтому отдельные лица, пользуясь таким случаем, уходят домой к своим родным. Правда, из них отдельные лица не возвращаются, а большинство обратно прибывают в лагерь для прохождения госпроверки»²⁵. Не редкостью были связанные с такими «побегами» курьёзные случаи. Так, «бывший немецкий переводчик, изменник Родины», находясь в изоляторе, отпросился в уборную, после чего покинул лагерь, но пришёл через 15 дней. В квартальном отчёте зафиксировали: «Из следственно-го изолятора ушёл N, который сам вернулся»²⁶.

Признание легитимности не фильтрации как таковой, а заключения ради неё в лагерь НКВД, зависело от убеждения в её быстром и благополучном исходе. Представители первых партий «спецконтингента» в начале 1942 г. ещё не были уверены в цели лишения их свободы. Согласно отчётам политотдела Грязовецкого ПФЛ, помимо желания «как можно быстрее выйти из лагеря и вернуться обратно на фронт... очень много имеется и таких настроений, что их напрасно сюда загнали, что они невиновны»²⁷.

Один майор, содержащийся в Рязанском ПФЛ № 178, со слов инспектора, тоже рассматривал «своё пребывание в лагере как незаслуженное наказание»²⁸. Конкретные высказывания не менее пессимистичны: «Как хорошо было бы, если бы сейчас объявили мир, а нам, заключённым, сказали бы: “Собирайтесь домой”»; «Счастлив тот, кто не попал сюда»²⁹. Выбор слов («виновность», «наказание», «заключённые») показателен для ощущавших себя уже отстранёнными от общества и ожидавших дальнейших репрессий.

Однако вскоре настроения изменились. Отчёт Грязовецкого лагеря за апрель характеризует настроение контингента как «исключительно хорошее. Абсолютное большинство горит желанием быстрее пойти в бой и отомстить немецко-фашистским разбойникам за издевательство над советским народом». Сообщалась и причина морального подъёма: «Имеются сведения с Северо-Западного фронта о том, что бойцы, которые вышли из нашего спецлагеря, отлично защищают Родину»³⁰. В марте—апреле в Старобельском ПФЛ настроение проверяемых оценивалось как «боевое, воинственное»: «Скорей бы нас пропускали через особый отдел, отпустили из лагеря и послали на фронт»³¹.

²⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 127, д. 198, л. 58.

²⁵ РГВА, ф. 1п, оп. 9в, д. 43, л. 79 об., 84.

²⁶ ЦГА МО РФ, ф. 4616, оп. 1, д. 40, л. 89, 93.

²⁷ РГВА, ф. 3п, оп. 4, д. 27, л. 13—14.

²⁸ Докладная записка о командировке в рязанские спецлагеря НКВД. 3 марта 1942 г. // Военно-исторический архив. 2001. № 4. С. 161.

²⁹ РГВА, ф. 3п, оп. 4, д. 27, л. 13—14.

³⁰ Там же, л. 33.

³¹ Там же, д. 36, л. 50.

Поскольку бывшие пленные не чувствовали себя узниками, но вынуждены были жить в лагере, то естественным представлялось их желание подтвердить статус полноправных граждан. Вышеназванный заключённый Абинского ПФЛ, выходя из окружения, сохранил партбилет, что давало ему основания как бдительному коммунисту резко критиковать руководство лагеря: «Почему эти люди не выполняют, как следует, указаний товарища Сталина о подготовке резервов?». Если верить ему, то окружающие также не ощущали потерю прежнего статуса: «Всех возмущал вопрос, почему мы, находясь в лагерях, даром едим государственный хлеб, бесплатно, ведь мы могли бы обучать и готовить весь этот народ, так как там в достаточном количестве командного состава любых специальностей. Сколачивание мелких подразделений, отработка одиночного бойца, политическая обработка (! — *А.Л.*) возможны даже в тех условиях, в которых мы находились»³².

Ощущать себя честными патриотами мешало затягивание фильтрации. Уже в феврале 1942 г. в Старобельском ПФЛ прибывшие из Новочеркасской тюрьмы заявляли: «Нас долго держат, мы просидели в тюрьме по 2—3 месяца, теперь привезли в лагерь для передачи в армию, а видно из всего, что мы и в лагере тоже пробудем несколько месяцев, это нас очень угнетает, мы горим желанием вернуться на фронт»³³.

В Рязанском ПФЛ отмечались «нездоровые настроения и необоснованное недовольство пребыванием в лагере»³⁴. В мае из Грязовецкого ПФЛ сообщили: «Очень много получаем рапортов от бывших военнослужащих, которые просят, чтобы их быстрее отправили на фронт», одновременно произошёл резкий рост нарушений режима. Как выразился проходивший проверку майор, «нами не интересуются, кто мы были в прошлом, и крайне долго держат в лагере»³⁵.

Отсутствие каких-либо недовольств отмечалось в отчёте за четвёртый квартал 1942 г. Грязовецкого лагеря, когда там почти не осталось проверяемых, а вновь поступающие военнослужащие проходили проверку быстро³⁶. Также в начале 1943 г. в Армавирском ПФЛ, где фильтрация не затягивалась, настроение оценивалось как «здоровое»: «Бойцы, командиры и политработники высказывают желание пойти как можно быстрее на фронт для окончательного разгрома немецких захватчиков». Кроме того, заключённые собрали 35 тыс. руб. на строительство танковых колонн³⁷.

Таким образом, в 1942 — начале 1943 г. самоидентификация бывших пленных и окруженцев противоречила условиям содержания в лагере, заключение в который они не считали обоснованным. Но их согласие с необходимостью фильтрации как таковой и её быстрый ход снимали большинство экзистенциальных вопросов.

Ситуация изменилась весной 1943 г., когда в работе ПФЛ приоритетным стало трудовое использование контингента. Для обеспечения стабильности фонда рабочей силы вскоре в лагерях начались задержки тех, кто уже прошёл проверку. По данным НКВД на 1 января 1945 г., в ПФЛ содержались 21 709 проверенных и 56 400 непроверенных представителей «спецконтингентов», из них

³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 127, д. 198, л. 57—58.

³³ РГВА, ф. 3п, оп. 4, д. 36, л. 12.

³⁴ Докладная записка о командировке в рязанские спецлагеря НКВД... С. 161.

³⁵ РГВА, ф. 3п, оп. 4, д. 27, л. 42—43, 44, 79.

³⁶ Там же, л. 114 об.

³⁷ Там же, ф. 1п, оп. 9в, д. 43, л. 283 об.

более года — соответственно 2 855 и 5 905; от 9 до 12 месяцев — 1 280 и 5 180; более полугода — 4 486 и 5 862 человек³⁸. Причём срок для прошедших проверку отсчитывался со времени её окончания, а не с момента прибытия в лагерь.

Всё чаще людей после освобождения не отправляли на фронт, а передавали в кадры промышленности. Руководство НКВД заранее знало о реакции на это бывших пленных по данным, поступавшим из Сталиногорского ПФЛ № 283. К марту 1943 г., за год его работы, из 9 018 поступивших военных были отправлены в Красную армию только 1 125, а «длительное содержание в условиях лагерного режима значительного по численности профильтрованного спецконтингента» порождало «нездоровые настроения»³⁹. При этом не представляется преувеличением наблюдение одного из проверяемых в Сталиногорске: «Срок заключения никому не известен, а это не легче расстрела»⁴⁰. Ведь успешно прошедшим проверку и продолжавшим сидеть в лагере не сообщалось, что у контрразведки больше нет к ним претензий, и люди продолжали ожидать возможного ареста.

Во втором квартале 1944 г. из Подольского ПФЛ № 174 сообщили, что «недовольство длительным пребыванием в лагере падает на лиц, кои работали в разных местах и в течение 8—10 месяцев и больше вообще отделом контрразведки СМЕРШ не проверялись». В отчёте за третий квартал упоминалось, что «в числе бежавших имеются 18 бывших военнослужащих, проверенных, кои свыше года находятся в лагере и имеют желание освободиться из лагеря [и] пойти в армию». Руководство ПФЛ признавало, что «этими требованиями и настроениями живут все бывшие военнослужащие»⁴¹.

В конце 1944 г. — начале 1945 г. на проверку стали поступать репатрианты, которые сравнивали ПФЛ с лагерями противника («нет разницы между нашими и финскими лагерями», «одинаково мучают, что в финском лагере, что здесь»), а СССР — с рейхом («у немцев жить лучше, и на СССР работать» они не намерены). Один гражданин Польши и вовсе «заявил, что раньше Сталину верил как великому человеку, а теперь его несправедливо посадили в лагерь, и он ему не верит»⁴². В конце 1944 г. реалии фильтрационных лагерей настолько впечатлили репатриантов, что часть из них после побега пыталась «перейти госграницу СССР с тем, чтобы вернуться в ту страну, откуда они были направлены» в Советский Союз⁴³.

В глазах проверяемых лишить логических оснований фильтрацию в лагерях должно было завершение войны. Н.К. Халилов вспоминал: «Как сказали, что Победа, у кого было оружие, стреляли в воздух, а мы все радовались, хлопали руками, кричали, обнимались, целовались. Подумали, что раз Победа, то и нас скоро отпустят»⁴⁴.

Все эти обстоятельства позволяют для большинства ПФЛ отделить период 1942 — начала 1943 г. от последующего этапа, на котором бывшие пленные и окруженцы, всё чаще открыто не признавая проверку в лагере легитимной, воспринимали своё заключение как наказание. В их отношении творилась

³⁸ ГА РФ, ф. Р-9408, оп. 1, д. 20, л. 21.

³⁹ РГВА, ф. 1п, оп. 9а, д. 24, л. 54.

⁴⁰ Там же, оп. 2и, д. 82, л. 7.

⁴¹ ЦГА МО РФ, ф. 4611, оп. 6, д. 5, л. 27 об., 33, 37.

⁴² ГА РФ, ф. Р-9414, оп. 3, ч. 1, д. 53, л. 6, 7, 12.

⁴³ ЦГА МО РФ, ф. 4616, оп. 1, д. 12, л. 111.

⁴⁴ См.: «Я помню»...

явная несправедливость, статус свободных людей ставился под сомнение, а будущее казалось ещё более неопределённым. Перед узниками ПФЛ вставала психологическая потребность либо логически объяснить необходимость своего текущего положения, либо сопротивляться маргинализировавшему воздействию внешних факторов, поддерживая идентичность честных граждан.

Тактики поведения и самоидентификации

Альтернативой поиску смысла стали упаднические настроения заключённых, ощущавших себя осуждёнными преступниками. Неприглядную картину своего быта создал один из проверяемых в письме родным: «Нас кормят плохо и на работу гоняют, ежедневно 12 часов работаем, если на работу не пойдёшь, то в тюрьму сажают, мы находимся в лагере заключённых, и обращение с заключёнными, какое вы должны сами знать»⁴⁵. Психологическое давление усиливалось тем, что часто и за пределами лагеря узники испытывали проблемы. Это подтверждает просьба одного из них съездить в родной город: «Потеряв имущество и жену, я, быть может, хотя бы сохраню сына, а в противном случае на что мне жизнь? Начинать снова жить в 45 лет нет смысла, а просто положить ей конец»⁴⁶.

Также стоит учитывать, что люди попадали в лагерь после опыта военных поражений, вражеского плена и выживания на оккупированной территории. Поэтому психологический слом мог проявиться даже в случае быстрой и успешной проверки. Так, в июне 1943 г. в Армавирском ПФЛ один из красноармейцев отказался от отправки в военкомат: «В такой армии я служить не буду и не пойду, лучше убейте меня на месте. Я хочу пойти домой». Желание попасть на фронт он приписал комсоставу и объяснил материалистически: «Вам нужно много денег, идите и воюйте, а я не желаю служить там»⁴⁷.

Другая часть узников пыталась добиться легального ускорения своего освобождения через компромисс с лагерной администрацией. «Заявления об отправке в армию подают наиболее активные люди, которые являются лучшими работниками на производстве, и прежде всего коммунисты, комсомольцы, партизаны и бывшие кадровые военнослужащие», — сообщали из Подлипкинско-го ПФЛ⁴⁸. Один из проверяемых в этом лагере намекал его руководству, что при сохранении маргинального статуса ударный труд невозможен: «Находясь в неведении и в моем положении, я морально настолько переживаю, что не в силах уже по-настоящему мыслить и работать наиболее производительно, как этого требует настоящий период»⁴⁹. Проверяемый в Бекетовском ПФЛ № 0108 использовал обратную логику: «Хорошо бы установить такой порядок, чтобы лучшим производственникам, прошедшим проверку, дали возможность пойти на фронт, тогда бы производительность труда была значительно большей, чем сейчас»⁵⁰.

⁴⁵ ЦГА МО РФ, ф. 4616, оп. 1, д. 42, л. 25—26 об.

⁴⁶ Там же, л. 1, 3.

⁴⁷ РГВА, ф. 1п, оп. 9в, д. 43, л. 72.

⁴⁸ ЦГА МО РФ, ф. 4616, оп. 1, д. 40, л. 17.

⁴⁹ Там же, д. 19, л. 19.

⁵⁰ Гаевская Ж.Ю. Влияние идеологического фактора на эффективность выполняемых спецконтингентом работ по восстановлению Сталинграда (по материалам Государственного архива Волгоградской области) // Ключевские чтения — 2011. Т. 1. М., 2011. С. 300.

Меньше всего руководство лагерей было заинтересовано в том, чтобы избавиться от ударников производства, и это лишь отдалало освобождение. В таких условиях приёмом противостояния маргинализации стали нелегальные отлучки из лагеря. Настоящее ЧП произошло в Подольском ПФЛ в 1944 г. в годовщину Октябрьской революции — бесследно пропали 30 проверяемых. Часть из них нашли и задержали, другие вернулись сами и «на допросах пояснили, что они были расконвоированы... и что цели дезертирства они не имели, а лишь имели желание встретить праздник вне зоны лагеря»⁵¹. В данном случае стихийный и эмоциональный протест против установленного государством режима в ПФЛ парадоксальным образом принял форму выражения лояльности действующим идеологии и власти. Эти люди хотели легально пройти проверку, но сами в своей честности, очевидно, не сомневались.

Это отличало их от тех «бывших военнослужащих», которые в ПФЛ задумывались о том, что их поведение в плену и окружении действительно заслуживает наказания. Тема не ответственности за конкретные деяния, а неопределённой «вины перед Родиной» подсказывалась им лагерными политотделами. Их цели были ясны: «Повседневно разъясняется, что прошлые ошибки они [спецконтингент] могут загладить только самоотверженным трудом по производству вооружения для Красной армии». Как ответ на стремление людей вернуться на фронт к этому добавлялось, что «своей хорошей работой на производстве они активно участвуют в наступлении Красной армии»⁵². В Подлипкинском ПФЛ для них даже придумали полувоенное обозначение — «рабочие-военнослужащие». Отделение от армии старались закрепить публичными заявлениями самих бывших пленных, например, одного из них, даже представленного как «слесарь 7 цеха»: «Красная армия вызволила нас из фашистской неволи, и мы ей обязаны. Мы должны помогать Красной армии, чтобы освободить ещё миллионы наших братьев, находящихся временно в фашистской неволе»⁵³.

Принятие этих установок было характерно для тех проверяемых, которые, по оценке начальника политотдела Подлипкинского ПФЛ, «длительное время отсиживались в тылу врага, пассивно подчинялись, работали, прислуживали ему». Предъявляемые же к ним требования, продолжал он, «честным трудом на заводе искупить вину перед Родиной они воспринимают активно и работают по производству хорошо, дорожат хорошим отзывом мастеров, начальников цехов и администрации лагеря. Многие из них стахановцы, отличные рабочие, успешно овладевшие новыми специальностями на заводе». В то же время относящиеся к другой группе — в основном участники партизанского движения или после плена какое-то время воевавшие на фронте — «рассматривают своё пребывание в лагере как незаслуженное наказание, к работе на заводе относятся без интереса, нарушают трудовую дисциплину и режим лагеря»⁵⁴.

Очевидно, что к представителям последней категории относились и те, кто не впали в уныние и не признали себя виновными в чём-либо. Они использовали выдвигаемые против них обвинения как повод для требований радикально внести определённость в свой статус. Так, одна военфельдшер «просила,

⁵¹ ЦГА МО РФ, ф. 4611, оп. 6, д. 4, л. 73.

⁵² Там же, ф. 4616, оп. 1, д. 18, л. 15.

⁵³ Там же, д. 40, л. 49 об.—50.

⁵⁴ Там же, д. 18, л. 12—13.

чтобы ускорили разбор её дела, и если она виновата, то предали суду. Если же нет, то направили бы на фронт или туда, где она может быть полезна Родине»⁵⁵. В Подольском ПФЛ, согласно отчёту политотдела, некоторые «бывшие военнослужащие» прямо ставили вопрос: «Если меня считают виновным, пусть судят, а не чувствуя за собой никакой вины, я не хочу под конвоем работать и жить»⁵⁶.

Как стремление сохранить и подчеркнуть свою армейскую идентичность следует рассматривать и протестные действия узников. Однако они ограничивались спецификой фильтрационных лагерей, где любой мог быть разоблачён как «предатель» и «изменник». Отстаивание своих прав в конфронтации с государством в лице сотрудников НКВД, особенно в военное время, могло иметь обратный эффект и свидетельствовать против лояльности и патриотизма бывших пленных. Тем важнее данные об активном сопротивлении (как правило, индивидуальном), направленном преимущественно против принудительного труда. Уклоняясь от него, проверяемые были изобретательны. Например, один из них «самовольно ушёл с работы, заявив мастеру, что его вызывают на допрос (в СМЕРШ. — А.Л.), чем обманул мастера цеха»⁵⁷.

Хотя попытки организовать коллективное сопротивление предпринимались, но были редки и пресекались на стадии подготовки. Ещё в 1942 г. в Грязовецком ПФЛ один военный инженер 3 ранга «вёл систематически разлагательную работу среди комсостава» (заявляя: «Я пришёл сюда не работать, хотите стреляйте, работать всё равно не пойду»), а некий майор «скрывался и отказывался от работы, призывая к тому других командиров»⁵⁸. В январе 1944 г. в Подлипкинском ПФЛ группа проверяемых отказалась выйти на работу из-за невыдачи им хлеба. Но после ареста троих случайных человек, все остальные отправились на лесоповал. Организаторы акции «угрожали» проявившим конформизм, но не встретили понимания, так как сами в тот день работали вместе со всеми⁵⁹.

Другим приёмом сопротивления стали попытки покинуть лагерь. Легальным способом являлись жалобы в вышестоящие инстанции с требованием освобождения. Однако, во-первых, было сложно достать материал для письма (имеющиеся прошения, даже на имя И.В. Сталина и Л.П. Берии, часто написаны на случайных обрывках бумаги)⁶⁰. Во-вторых, существовали режимные ограничения. «Пишем, — вспоминал И.И. Кабаков, — а поскольку переписка запрещена, то письма бросали по дороге с работы. Видимо, нашлись добрые люди, переправили по назначению»⁶¹. Кроме того, обращения, особенно к первым лицам государства, требовали от заключённых определённого мужества и чувства собственной правоты. Такие письма являлись частью борьбы этих людей за признание их обществом. Сам процесс написания поддерживал самоидентификацию автора, как в случае с военным инженером 3 ранга, отправившего в Военно-инженерное управление РККА эскиз разработанных им в

⁵⁵ СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы / Под. ред. В.С. Христофорова. М., 2002. С. 233.

⁵⁶ ЦГА МО РФ, ф. 4611, оп. 6, д. 5, л. 27.

⁵⁷ Там же, ф. 4616, оп. 1, д. 40, л. 113 об.

⁵⁸ РГВА, ф. 3п, оп. 4, д. 27, л. 89.

⁵⁹ ЦГА МО РФ, ф. 4616, оп. 1, д. 38, л. 33.

⁶⁰ Там же, д. 7, л. 44—45 об.

⁶¹ Драбкин А. Я дрался на Пе-2. М., 2009. С. 220.

ПФЛ висячих мостов⁶². Заключённые надеялись не только на помощь органов власти. По оценке одного из проверяемых, каждый «пишет или товарищу по армии, или по партизанскому отряду, или находит возможность передать всю неприглядную правду о себе родным»⁶³.

Большей решимости и/или отчаяния требовал побег. Желавших его совершить в 1942 г. находилось мало, даже в период чрезвычайных ситуаций. К примеру, при падении 12 зажигательных бомб на Керченский ПФЛ № 250 бежали только двое, при многодневной пешей эвакуации Абинского лагеря — трое⁶⁴. За семь месяцев 1943 г., после начала массового трудового использования и увеличения сроков содержания, лагеря самовольно покинули 636 человек, из них задержали или убили 170⁶⁵. Характерно, что бежали и успешно прошедшие проверку. В мае в Армавирском ПФЛ их было 48 из 140. При этом чаще всего люди хотели одного — попасть на фронт. Работники лагеря изыски у проверяемых «письма, присланные из воинских частей домой бежавшими... бывшими военнослужащими... перечисленные лица разными способами пролезли в ряды РККА и в данное время... служат в различных воинских частях»⁶⁶. Перед побегом самые предусмотрительные военнослужащие «обзаводились» поддельными документами — о прохождении проверки и направлении в военкоматы⁶⁷.

Наконец, применялся ещё один способ наверняка покинуть лагерь. Периодически случавшиеся самоубийства трактовались работниками госбезопасности как чистосердечные признания. Показателен случай, когда человека после неудачной попытки суицида и оказания ему затем медицинской помощи, сразу же направили в лагерный СМЕРШ⁶⁸. Но для многих сведение счётов с жизнью могло быть радикальным способом протеста и доказательства своей невиновности. В Грязовецком ПФЛ повесившийся на чердаке проверяемый в предсмертном письме указал, что умирает честно и обвинил в своей смерти следователя особого отдела⁶⁹. Другой, уже в конце 1944 г., выбросился с третьего этажа из-за письма жены, обвинявшей его «в измене Родине»⁷⁰.

Таким образом, попавшие в ПФЛ бывшие пленные и окруженцы выстраивали свою идентичность в зависимости от того, насколько они были готовы признать себя виновными. Использование ими разных тактик выживания снижало вероятность организации и успеха активного группового сопротивления. Не способствовало ему и устройство лагерного социума.

Категории узников и групповая солидарность

Изначально контингент не делился на категории, но командиры содержались в отдельных от рядовых бараках и имели право не работать. К бывшим пленным и окруженцам, к осени 1943 г. обозначившимся как первая группа/категория, добавились вторая (не совершившие преступлений рядовые «коллаборационисты») и третья (гражданские лица — мужчины призывных возрастов с освобождённой территории).

⁶² РГВА, ф. 1п, оп. 9в, д. 60, л. 44—45.

⁶³ Там же, оп. 2и, д. 82, л. 7.

⁶⁴ Там же, оп. 7а, д. 1, л. 28; д. 3, л. 59—60.

⁶⁵ ГА РФ, ф. Р-9414, оп. 1, ч. 2, д. 1382, л. 42—44 об.

⁶⁶ РГВА, ф. 1п, оп. 9в, д. 43, л. 46—46 об.

⁶⁷ ЦГА МО РФ, ф. 4616, оп. 1, д. 14, л. 1.

⁶⁸ Там же, ф. 4611, оп. 6, д. 15, л. 53.

⁶⁹ РГВА, ф. 3п, оп. 4, д. 27, л. 89—90.

⁷⁰ ГА РФ, ф. Р-9414, оп. 3, ч. 1, д. 53, л. 7.

Помимо деления, диктуемого центром, в лагерях самостоятельно выделяли узников. Как в любом месте лишения свободы, часть из них использовалась для управления лагерем в качестве старших по ротам и взводам, бригадиров, чтецов газет, агитаторов и проч. Из общей массы выделялись и перевыполнявшие производственные нормы стахановцы — их старались селить в отдельных, более пристойных бараках, и лучше кормить. Они могли надеяться на послабление режима. Например, один «ударник» просил отпустить его в город на встречу с женой, особо отмечая, что он даёт 290% плана, и «производство не возражает»⁷¹.

В 1944 г., в связи с задержкой в лагерях тех, кто уже прошёл фильтрацию, предпринимались попытки ввести для них более мягкий режим и содержать отдельно от проверяемых⁷².

Разделение на группы «сверху» имело прямые последствия для коммуникации узников. Согласно отчёту Подлипкинского ПФЛ, проверяемые, очевидно стремившиеся выполнить производственную норму, требовали убрать «прогульщиков и лодырей», «которые своим поведением позорят в цеху спецконтингент»⁷³. Изоляция в отдельные бараки «коллаборантов» из «второй группы» не снимала напряжённости. Члены посетившей в 1944 г. Сталиногорский ПФЛ комиссии отмечали: «Большое недовольство создаётся тем, что бывшие военнослужащие и партизаны проживают совместно с бывшими полицейскими, старостами и другими пособниками немецкого фашизма»⁷⁴.

Внутренние перегородки в единой зоне не имели значения и для писавшего Берии старшего лейтенанта войск НКВД, как ему «обидно, что на протяжении 4-х месяцев приходится сидеть за проволокой вместе с полицейскими и легионерами, которых я беспощадно уничтожал»⁷⁵. «Коллаборанты» стали для бывших пленных «другими», на противопоставлении которым появлялась возможность выстраивать собственную идентичность честного солдата, гражданина и патриота. Однако делалось это индивидуально и не привело к сплочению «первой группы».

«Бывшие военнослужащие» в ПФЛ всегда разделялись способствовавшей недоверию и взаимным подозрениям атмосферой неопределённости в истинном лице соседей по нарам. Убеждённость в наличии вокруг какого-то числа «виновных» оправдывала фильтрацию, о чём свидетельствуют воспоминания о ПФЛ: «С теми, у кого совесть была чиста, следователи работали корректно и даже уважительно»⁷⁶; «пленные ведь разные были: под видом пленных были и старосты, и шпионы, и так далее... Может, тем, кто врал, и “давали перца”, не знаю. Мне было скрывать нечего, я сказал, как было дело». Последний пример показателен, так как проверяемый, с его же слов, сам имел «скелет в шкафу»⁷⁷. Логично, что в ПФЛ недовольство могло вызвать содержание на равных условиях уже прошедших проверку и ещё проверяемых⁷⁸.

⁷¹ ЦГА МО РФ, ф. 4616, оп. 1, д. 42, л. 43.

⁷² ГА РФ, ф. Р-9408, оп. 1, д. 30, л. 4—6.

⁷³ Там же, д. 18, л. 14.

⁷⁴ РГВА, ф. 1п, оп. 2и, д. 82, л. 16—17.

⁷⁵ ЦГА МО РФ, ф. 4616, оп. 1, д. 12, л. 151—152.

⁷⁶ Десятков Г.М. Герои секретных архивов. Оренбург, 2005. С. 414.

⁷⁷ Н.Ф. Нестеров вспоминал: «Честно скажу, про своё рисование в немецком лагере я скрыл. Если бы я это рассказал, то пропал бы. Сунули бы лет 10!». См.: «Я помню»...

⁷⁸ ЦГА МО РФ, ф. 4616, оп. 1, д. 40, л. 17 об.

Однако «узники» после освобождения из лагеря уже иначе относились к проверяемым. В 1942 г., по словам одного из работников Грязовецкого ПФЛ, вахтёрский состав был набран «в большинстве из контингента (прошедшего проверку. — *А.Л.*), а поэтому они ходят в зону, встречаются там знакомых и рассказывают им всё, что делается у нас в лагере»⁷⁹. В декабре 1945 г. управление НКВД по Ленинградской обл. раскрыло «группу лиц из спецконтингента, переданного для работы в промышленности, которая занималась изготовлением фиктивных документов на освобождение из проверочно-фильтрационного лагеря и направление к месту жительства»⁸⁰.

По сути, недоверие к окружающим у попавших в ПФЛ людей в большей степени объяснялось не проявлением бдительности, а стремлением создать собственный благоприятный образ путём дистанцирования от «подозрительных» (для освобождённого это уже не имело смысла).

Но во время фильтрации всеобщее недоверие усиливалось антагонизмом между представителями командного состава и рядовыми «бывшими военно-служащими». Последние называли офицеров виновниками своего попадания в плен: «В лагере немало людей, попавших сюда только потому, что их предали командиры на фронте»⁸¹. Раздельное проживание в ПФЛ способствовало таким взглядам, но не было их причиной — население освобождённых от оккупации районов также интересовалось, «считаются ли предателями красноармейцы, попавшие в плен по вине командования»⁸²? Офицеры же стремились отделиться от рядовых, главным образом протестуя против попыток заставить их работать вместе с ними и тем самым символически уравнивать в статусе.

Разница между командным составом и рядовым прослеживается и во внутригрупповом взаимодействии. Много лет спустя Р.Е. Лазебник вспоминал, что офицерские бараки выглядели как пространство, где коммуникация невозможна: «Никто из офицеров, сидящих в бараке, между собой о прошлом, войне, плене не разговаривал, все молчали. Люди держались отчуждённо, каждый со своими нелёгкими думами, будто нам дали приказ — “Больше двух не собираться”. Каждый день проходил в тягостной душевной обстановке»⁸³. Вместе с тем представителям комсостава принадлежит большинство из приведённых выше критических высказываний. Эти люди проявляли и большую склонность к сопротивлению, в том числе активному, чему способствовали мощная долагерная идентичность «советских командиров» и нежелание с ней расставаться.

Свидетельства о рядовых — людях с разным прошлым — показывают более активные контакты между ними, от бартера и игры в карты вплоть до помощи в организации побега. Так, к последнему рядовой Е готовился «на протяжении целого месяца, для чего собирал среди спецконтингента деньги. Собрав 35 тысяч рублей, Е сбежал»⁸⁴. Сближение могло происходить на основе общего быта. Например, успешно прошедший проверку рядовой Р бежал из лагеря после того, как «всех знакомых Р, которые длительное время работали с ним вместе

⁷⁹ РГВА, ф. 3п, оп. 4, д. 27, л. 75 об.

⁸⁰ ГА РФ, ф. Р-9408, оп. 1, д. 2, л. 193.

⁸¹ РГВА, ф. 1п, оп. 2и, д. 82, л. 7.

⁸² Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943—1945 гг.). Сборник документов / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2015. С. 48.

⁸³ См.: «Я помню»...

⁸⁴ РГВА, ф. 1п, оп. 10в, д. 10, л. 307.

на пекарне, направили в действующие части РККА»⁸⁵. Иногда на проверку попадали люди, уже знакомые друг другу, как четверо бежавших из Армавирского ПФЛ, которые, по версии следствия, ранее совместно дезертировали из армии и скрывались на оккупированной территории⁸⁶.

Однако в источниках нет информации о более крупных объединениях рядовых «бывших военнослужащих» — из одного барака, цеха или выходцев из одной области. Не зафиксировано и их коллективной активности, не говоря уже об актах сопротивления. Отсутствие сплочённости наиболее заметно в сравнении с попавшими в ПФЛ ближе к концу войны жителями территорий, присоединённых в 1939 г. к СССР. В Подольском ПФЛ они «особенно открыто выражают недовольство нахождением в лагере и работой на заводе, а некоторые стали угрожать расправой с руководством лагерного отделения». Там же группа из десяти поляков отказалась работать, заявив, что наказывать их может только польское правительство⁸⁷. Одновременно в Петровском ПФЛ № 240 совершивший побег и пойманный «бывший военнослужащий» К был символически отвергнут другими узниками, которые предпочли свою личную безопасность групповой солидарности. Не сохранилось подробностей, зачем К покинул лагерь на десять дней и собирался ли в него возвращаться. В его присутствии на поверке начальник лагерного отделения заявил, что за побег тот подлежит расстрелу, и «для создания общественного мнения» предложил поднять руки тем, кто поддерживает эту меру. Собравшиеся проголосовали «за», тем самым переведя К из своих товарищей в «изменники», из-за наличия которых их и фильтровали в лагерях. После этого К повесился на гауптвахте⁸⁸.

В заключение отмечу, что отсутствие у бывших пленных прочной групповой идентичности подтверждает верность подходов, согласно которым поведение индивидов почти полностью определяется внешними факторами. Положение попавших в фильтрационные лагеря оставалось двусмысленным: сохранялась символическая связь с армией, официальные обвинения не предъявлялись и текущий статус не был установлен. Условия, в которых оказались эти люди, однозначно не могли определить для них конкретные социальные роли и жёстко детерминировать их поведение. Однако основная масса «бывших военнослужащих» предпочла путь конформизма, схожий с заключёнными тюрем, а те, кто стремились улучшить своё положение или покинуть лагерь, действовали поодиночке. Причиной этого стало чувство легитимности происходившего с ними, которое складывалось из двух убеждений: о необходимости проверки в лагере и о правильности фильтрации в целом. Последнее поддерживалось не только общей атмосферой шпиономании, но и потребностью выстроить свой благоприятный образ за счёт других узников. Необходимость же направления в тыловую лагерь НКВД всегда вызывала вопросы, которые в 1942 г. оказывались не столь актуальными, поскольку проверка заканчивалась быстро и для основной массы успешно. Первые партии попавшего в лагерь «спецконтингента», хотя и не впадали в самообвинения, но ожидали скорого ареста. Когда же прояснились цели ограничения их свободы, то любые сомнения в скором освобождении приводили к реакциям, показывавшим незначительный запас

⁸⁵ Там же, ф. 3п, оп. 4, д. 27, л. 31.

⁸⁶ Там же, ф. 1п, оп. 9в, д. 43, л. 67—67 об.

⁸⁷ ЦГА МО РФ, ф. 4611, оп. 6, д. 5, л. 33 об.

⁸⁸ РГВА, ф. 3п, оп. 6, д. 1, л. 25.

терпения к лагерным условиям и восприятие себя как ожидавших отправки на фронт военнотружеников, а не подвергшихся наказаниям узников.

С весны—лета 1943 г. сроки заключения в лагере (как правило, неопределённые) резко увеличились. Активно стал использоваться принудительный труд узников, а лагерная пропаганда внушала им чувство вины. В ПФЛ вместо заявленной как цель их работы фильтрации началось тотальное переориентирование смыслов. Стремление попасть на фронт становилось «отрицательным явлением», совершившие преступления — ценным контингентом, а желавшие искупить вину или просто хорошо работавшие — вечными заключёнными. Хотя поставленные перед лагерями производственные планы выполнялись, а массовое сопротивление узников практически отсутствовало, их поведение всё же не укладывалось в стандартные схемы подчинения авторитетам. Источники показывают, что бывшие пленные могли вести себя в соответствии с навязанными им ролями, но при этом внутренне их не принимать и идентифицировать себя совсем не так, как того хотело лагерное начальство.

На этом этапе маргинализирующее давление на бывших пленных возросло, а изошённая логика работы ПФЛ вела к возникновению когнитивного диссонанса. Выйти из него означало выбрать одну из двух полярных моделей самоидентификации — военнотруженика или заключённого. В лагерных условиях отстаивание своей честности и права покинуть лагерь были неизбежно связаны с репрезентацией себя как солдата, в то время как отход от неё, согласие со статусом «бывшего военнотруженика» или «рабочего-военнотруженика» неизбежно сопровождалось принятием чувства вины с возможностью дальнейшего третирующего уже в послевоенном обществе. В целом пребывание в лагере (а не только допросы следователей) превращалось в процесс отстаивания своей идентичности или её вынужденного переосмысления.

От подхода к решению этой проблемы зависели и отличавшиеся многообразием тактики выживания. Одни, считавшие себя уже отбывавшими наказание заключёнными, впадали в апатию, другие, признававшие отчасти обоснованным своё положение, усердно выполняли требования администрации лагеря, третьи, стремившиеся отстоять свою прежнюю идентичность, шли на нарушение режима или выбирали другие формы сопротивления. Однако последние, надеясь выбраться из лагеря, могли хорошо работать и иными способами проявлять конформное поведение, но при этом они должны были также признать (в том числе публично) отрыв от армии и вину перед Родиной, что определяло отношение к ним других, а, в конечном счёте, и к самим себе. Для тех, кто принял маргинальный лагерный статус, круг замыкался: от оправдывающего фильтрацию убеждения в «преступности» неопределённого количества окружающих они приходили к принятию чувства собственной вины.

Каждый заключённый сам выбирал тактику поведения в лагере. Масса попавших на фильтрацию бывших пленных была фрагментирована, а прочных группировок не существовало. Условия в ПФЛ оказывались не настолько жёсткими, как в нацистских концентрационных лагерях или ГУЛАГе. Узник мог выжить в одиночку, не вступая в группы и не принимая их ценностей. Командный состав обладал сильной долагерной идентичностью и был склонен оказывать сопротивление, однако не отличался сплочённостью. Рядовые бойцы часто не имели между собой ничего общего и вели себя более конформно, но при этом активнее общались друг с другом. Антагонизм между двумя

этим группами, по-видимому, отражал внелагерную социальную напряжённость, и даже появление в ПФЛ «коллаборантов» не привело к сплочению против них остального «спецконтингента». У всех попавших на фильтрацию не было заметно проявлений групповой солидарности, каждый рассчитывал только на себя и помнил, что окружающих в любой момент мог разоблачить СМЕРШ.

В итоге в ПФЛ одни узники, пусть и поодиночке, тренировались противстоять их дальнейшей дискриминации в послевоенном обществе, а другие — жить с ней и находить ей оправдания. При анализе поведения бывших пленных в фильтрационных лагерях нельзя сбрасывать со счетов ни системные и ситуационные факторы, ни возможности сопротивления им — группового и индивидуального, внутреннего и открытого. Люди выстраивали свою идентичность разными способами, показывая как прочность личностных установок, так и возможность их преодоления под давлением внешних сил.